

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.11>

Хованская Екатерина Сергеевна, Праченко Оксана Владимировна, Маклаков Иван Александрович
СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО "МЫ"-СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ ДЖ. ОЦУКИ "БУДДА НА ЧЕРДАКЕ"

Статья посвящена рассмотрению повествовательной стратегии как способа выражения национального сознания в романе японско-американской писательницы Дж. Оцуки "Будда на чердаке". Повествование ведется от лица "мы" и выражает кругозор первых японских мигрантов, приехавших в Америку в 1910-1920-е годы. Выявляются особенности композиционно-речевой организации текста, соотношение точек зрения в пределах коллективного "мы", взаимодействие повествовательных хронотопов, роль принципа перечня. Доказано, что повествование от первого лица множественного числа, во-первых, обусловлено рядом существенных особенностей менталитета и психологии японцев и, во-вторых, позволяет полно представить судьбу целого поколения японских мигрантов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 2. С. 259-262. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.111(73)

Дата поступления рукописи: 22.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.11>

Статья посвящена рассмотрению повествовательной стратегии как способа выражения национального сознания в романе японско-американской писательницы Дж. Оцуки «Будда на чердаке». Повествование ведется от лица «мы» и выражает кругозор первых японских мигрантов, приехавших в Америку в 1910-1920-е годы. Выявляются особенности композиционно-речевой организации текста, соотношение точек зрения в пределах коллективного «мы», взаимодействие повествовательных хронотопов, роль принципа перечня. Доказано, что повествование от первого лица множественного числа, во-первых, обусловлено рядом существенных особенностей менталитета и психологии японцев и, во-вторых, позволяет полно представить судьбу целого поколения японских мигрантов.

Ключевые слова и фразы: Дж. Оцука; повествовательная стратегия; точка зрения; национальное сознание; принцип перечня; хронотоп; японский менталитет.

Хованская Екатерина Сергеевна, к. филол. н., доцент
Праченко Оксана Владимировна, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
katja.khovanskaya@gmail.com; oksana.oksana@mail.ru

Маклаков Иван Александрович, к. филол. н.
Казанский кооперативный институт
Iderer@mail.ru

СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО «МЫ»-СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ ДЖ. ОЦУКИ «БУДДА НА ЧЕРДАКЕ»

Джулия Оцука – современная японско-американская писательница, чье творчество в России стало известно совсем недавно. Между тем проза Джулии Оцуки была высоко оценена в Америке и некоторых странах Европы. Так, опубликованный в США в 2011 году её роман «Будда на чердаке», который является основным материалом нашего исследования, был удостоен премии Фолкнера, Национальной книжной премии США и французской премии Фимины за лучший иностранный роман.

Цель нашей работы – выявить особенности выражения национального «мы»-сознания в повествовательной стратегии в романе Джулии Оцуки «Будда на чердаке». Цель предполагает уточнение вопроса о точке зрения, о соотношении кругозора героя и повествователя, что и определяет задачи нашего исследования.

Как известно, к понятию «точка зрения» обращались и обращаются сегодня многие исследователи, среди них М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Б. О. Корман, Ф. К. Станзел и др. [1; 3-6; 8; 10; 12]. В своём анализе мы будем опираться на определение понятия «точка зрения», данное Н. Д. Тамарченко, обобщившим имеющиеся взгляды на эту проблему: «Точка зрения в литературном произведении, – положение «наблюдателя» (повествователя, рассказчика, персонажа) в изображенном мире (во времени, в пространстве, в социально-идеологической и языковой среде), которое, с одной стороны, определяет его кругозор – как в отношении «объема» (поле зрения, степень осведомленности, уровень понимания), так и в плане оценки воспринимаемого; с другой – выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора» [8, с. 266] (курсив в цитатах авторский. – Е. Х., О. П., И. М.).

Поскольку нас интересуют способы выражения национального сознания, позволим себе дополнить определение Н. Д. Тамарченко. «Объём» и оценка «наблюдателем» воспринимаемого, как и авторская оценка субъекта и его кругозора, могут быть связаны с его общенациональной принадлежностью, со спецификой национальной психологии.

Джулия Оцука принадлежит к третьему поколению японских иммигрантов. Но в своем романе она пишет о первом поколении, о судьбе тех японок, которые в 1910-1920-е годы отправились в Америку в надежде создать там семью и обрести новый дом. Повествование организовано их «точкой зрения» и выражает их кругозор. Единственным героем романа является коллективное «мы», от лица которого и ведется повествование. Подобная повествовательная форма, когда история рассказывается от первого лица множественного числа, встречается и в произведениях других авторов, например: «Роза для Эмили» Уильяма Фолкнера, «Гимн» Айна Рэнда, «Самоубийства девственниц» Джеффри Юджинидеса. Но «мы» в этих произведениях, во-первых, как правило, не включает в себя такого множества голосов, как в романе Д. Оцуки, во-вторых, форма «мы»-повествования часто является лишь неким вкраплением в текст и не организует его в целом, в-третьих, это «мы» обычно не расщепляется на множество голосов, а выступает именно как синоним «я», представляющего множество.

Избранная Джулией Оцукой повествовательная стратегия, на наш взгляд, не просто оригинальна, но обусловлена некоторыми существенными особенностями менталитета и психологии японцев. Как утверждают специалисты, важным жизненным приоритетом японцев во все времена их существования являлась традиция объединения, коллективизма [11]. Несмотря на то, что автор романа «Будда на чердаке» – коренная американка, предмет повествования продиктовал ей необходимость актуализации японского ценностного кода, отражающего историческую память народа, его обычаи и традиции.

«Мы» в романе Оцуки безымянно, но далеко не безлико. Оно вмещает в себя десятки самых разных голосов и разных судеб. Повествование от первого лица, естественно, способствует субъективации текста, что проявляется через особую субъективную интонацию, через включение в текст массы риторических вопросов и восклицаний, кратких сентенций и отдельных реплик, отражающих мировосприятие героев, их понимание происходящего. Субъективация повествования осуществляется также за счет специфической композиционно-речевой организации текста, в котором сочетаются прямая и несобственно-прямая речь, осуществляется монтаж разных точек зрения.

Художественная реальность романа Дж. Оцуки строится на взаимодействии двух повествовательных хронотопов, что позволяет автору представить то, что происходит «здесь» и «сейчас», и то, о чём можно знать только при наличии временной дистанции. В результате кругозор «мы»-повествователя оказывается шире кругозора героев, а потому ему известно то, чего они не могут знать. Например, когда происходит знакомство читателя с юными японками, пловущими на пароходе в Америку, и сообщается, из каких мест они попали сюда, сразу за информацией о том, что *кто-то родился в Хиросиме*, следует характерный комментарий-послесловие: *которой предстояло взлететь на воздух. Им крупно повезло, что они заблаговременно покинули родной город, хотя тогда, разумеется, никто не мог это знать* [7, с. 13].

Повествователь находится в положении всевидящего и всезнающего наблюдателя и одновременно он присоединяется к «точке зрения» героинь. В результате коллективное «мы» раскрывается изнутри, но при этом повествование организовано так, что читатель может увидеть происходящее и извне. Для дискурса «мы»-повествователя характерна позиция «отстранения», поэтому даже когда речь идёт о событиях трагических, о драматизме конкретных судеб, эмоциональный фон приглушен, он подчеркнута сухой, свойственный документу. В этом можно видеть намеренную авторскую стратегию, продиктованную характерной для японцев поведенческой моделью («татаэмаэ»¹ и «гири»²), связанной с привычкой скрывать свои мысли и чувства. Недаром исследователи называют японскую культуру «культурой самоконтроля, самоограничения и умолчания» [9].

Одновременно избранная Дж. Оцукой повествовательная стратегия выражает и другие особенности японского менталитета.

Уже первая глава романа с характерным названием «Приезжайте, японки!» выражает определенную точку зрения. Так называемые *невесты по фотографии* отправились в долгий путь, следуя призыву «японских женихов» из Америки, которых они ни разу не видели, связь с которыми осуществлялась исключительно через брачных агентов. Эти *маленькие женщины, вооруженные лишь путеводителями*, ничего не знали о той стране, в которой теперь им предстояло жить. Название первой главы романа выражает ключевую установку всего произведения, связанную с драматически сложным процессом, сопряженным с психологической травмой переезда и вживания японцев в американскую действительность, с взаимодействием «своего» и «чужого». О том, насколько это было психологически сложно и травматично именно для японцев, можно судить, если принять во внимание присущий японцам традиционализм, преданность групповому образу жизни. Как правило, они редко переезжают или меняют место работы, а, приняв ту или иную социальную группу, остаются в ней на долгие годы. По словам антрополога Рут Бенедикт, «японцы... глубоко переживали “крах” их рачительного воспитания, когда пробовали жить в менее строго регламентированном мире. Их добродетели, ощущали они, вовсе не экспортируемы. Они понимают, что их проблема не сводится к общей проблеме сложности смены культуры для любого человека» [2, с. 158].

Рисуя портрет коллективного героя, Дж. Оцука в качестве основного структурного принципа организации повествования активно использует перечень. Он применяется и когда речь идёт о судьбах героинь, об их чувствах, интимных отношениях, и когда перечисляются какие-то предметы, сопровождающие их в пути. Так, подробно перечисляется всё, что взяли японки с собой в новую жизнь:

...белые шелковые кимоно для первой брачной ночи, яркие хлопчатобумажные кимоно на каждый день, унылые темные кимоно, которые мы собирались носить в старости, кисточки для письма, толстые чернильные бруски, листы тонкой рисовой бумаги, на которой мы собирались писать длинные письма домой, крошечные медные бусы, статуэтки из слоновой кости, изображавшие божество в облике лиса, старые куклы [7, с. 9] и т.д.

Грустная ирония по поводу того, насколько всё это будет необходимо в новой жизни, связана с мыслью об утопичности представлений японок о том, что их ждёт в Америке.

В романе передано внутреннее психологическое состояние человека, пересекающего границу между «своим» и «чужим» мирами. Оно выражено и через «тревожный шёпот», наполняющий воздух грязного трюма, где разместились японки, и через ночные кошмары их «рисовых» снов, и через бесконечные риторические вопросы, которые они задают сами себе. Психологизм в данном случае связан с этноцентризмом, т.е. восприятием и интерпретацией поведения других сквозь призму своей культуры. Правда, представления о «других» у героинь Дж. Оцуки вначале очень смутные, на уровне слухов, стереотипов и мифологических представлений:

По слухам, люди там питались одним мясом, и тела их были сплошь покрыты волосами. <...> Деревья там достигали громадных размеров. Поля были необозримы. Женщины позволяли себе громко разговаривать

¹ Татаэмаэ – это поведение, манеры, мнения, которые японец демонстрирует публично, то, что ожидает от него общество, что требуется в зависимости от положения, социального статуса, обстоятельств.

² Гири – японское понятие долга и чести.

и смеяться, к тому же были невероятно высокими – по слухам, на голову выше самого высокого из наших мужчин [Там же, с. 12].

Так уже в первой главе задан основной психологический конфликт романа – столкновение мира иллюзий с реальностью. В дальнейшем он осложнится другим важнейшим конфликтом – между «своим» и «чужим» мирами.

Во второй главе романа происходит расширение объёма коллективного «мы» и, соответственно, возникают новые точки зрения. Причём автор всё чаще подчеркивает их разность, их множественность и их различия. Так, в главе «Первая ночь», где рассказывается о том, как произошла встреча японок с мужьями, как они вели себя во время первой брачной ночи, мы слышим не только голоса женщин, но и их мужчин. При этом диалог между ними складывается по-разному. Если в одних случаях встреча с мужьями происходит как встреча с чужим, почти враждебным, то в других случаях, напротив, как с родным, как будто происходит воссоединение с оставленной на родине семьей:

Этой ночью наши мужья взяли нас. <...> Взяли, без конца бормоча «спасибо» на знакомом диалекте тохоку, который помог нам расслабиться [Там же, с. 25].

«Он говорил в точности как мой отец» [Там же, с. 27].

Они взяли нас, выкрикивая что-то на грубом хиросимском диалекте, который мы понимали с трудом [Там же, с. 28].

В третьей главе – «Белые» в повествование входят голоса «чужих» – белых людей. Как правило, эти голоса четко обозначают границу, которая отделяет японцев от американского мира. «Порядок», – так говорил хозяин, если был доволен работой. «Убирайтесь!» – орал он, если мы были слишком неуклюжи и медлительны [Там же, с. 30]. Эта граница задана надписями: *Цветным здесь не место*, которые заставляли японцев отправляться странствовать в поисках работы. Причем, несмотря на то, что странствование, казалось бы, ведёт к расширению пространства героев, границы «своего» мира для них по-прежнему остаются чрезвычайно тесными. И хотя в тексте постоянно возникают новые и новые географические названия, свидетельствующие о маршрутах странствования японцев, домом героев оказывается либо *койка в одном из рабочих барачков на ранчо... Или палатка под раскидистым сливовым деревом... Или деревянная лачуга в рабочем лагере* [Там же, с. 38].

Вначале японцы испытывают некое любопытство к миру белых, что выражается в длинной цепи риторических вопросов, позволяющих почувствовать конфликтные отношения «своего» и «чужого»:

Почему они забираются на лошадь с левой стороны, а не с правой? Почему все время кричат? Как они различают друг друга, ведь они так похожи? и т.п.

Необходимо заметить, что, по мнению специалистов, в японском национальном характере выделяется любознательность. Японцы искренне любознательны, пытливы по своей природе [2]. Однако в Америке эта национальная черта сопрягается со страхом. Маленькие японки чувствовали себя чужими в мире *больших* людей. Проводниками в этом непонятном мире для них становились их мужья, поэтому текст наполняется их предложениями, их жизненными уроками:

Держитесь от белых людей подальше, предупреждали нас. <...> Не всегда верьте тому, что они вам говорят... Молчите, а разговаривать предоставьте нам [7, с. 33].

Тяжёлая, непосильная работа, которую вынуждены были выполнять молодые японки в Америке, постепенно приводит их в отчаяние, морально убивает их:

Мы забыли о Будде. И обо всех остальных богах. Наши души превратились в кусочки льда, которым не суждено растаять [Там же, с. 32].

В полной мере оценить всю непосильную тяжесть труда японских мигрантов, вызвавшую подобное психологическое состояние, можно, только если учитывать, что любовь к труду и связанное с ним усердие в любых сферах деятельности является одной из главных особенностей японского национального характера. Японцы пылко, с упоением предаются труду [2].

Американцы не могли не оценить этой привлекательной черты японского национального характера. В романе Дж. Оцуки сказано об этом так:

Белые люди ценили нас за сильные спины и проворные руки. За выносливость. За дисциплину. За покорность и исполнительность [7, с. 36].

Постепенно происходит сближение японцев с этим «чужим» миром. Белые женщины научили японок *многим нужным вещам*. К их числу относились как «вещи» сугубо практические (*Как зажечь плитку. Как застелить постель. Как запереть дверь*), так и навыки нового для японок поведения: *Как на улице приподнять подол и показать лодыжку ровно настолько, насколько позволяют приличия. <...> Как разговаривать с мужем. Как спорить с ним. Как держать мужа на коротком поводке* [Там же, с. 46].

Таким образом, на смену одним жизненным установкам, полученным японками у себя на родине, приходят другие. В результате и отношение к белым людям становится более сложным:

Мы любили белых людей. Мы ненавидели белых людей [Там же, с. 43].

Граница между своим и чужим становится проницаемой. Постепенно японцы начинают вживаться в чужие роли:

Ночью, оказавшись в своих узких комнатах без окон в задней части просторных красивых домов, мы изображали белых людей. «Ты будешь мистером, а я миссис», – говорили мы нашим мужьям [Там же].

У японцев появляются новые имена, которые дают им белые хозяева. Им начали сниться новые сны, в которых они видели *лучшие времена*:

Нам снился наш собственный дом, красивый белый дом на тенистой улице, дом, окруженный вечно цветущим садом. <...> Прислуга, которая каждое утро приносит нам завтрак на круглом серебряном подносе и вытирает пыль во всех комнатах. Кухарка. Прачка. Лакей-китаец в длинном белом сюртуке, который появляется, стоит позвонить в колокольчик и приказать: «Чарли, подай чашку чаю, будь любезен» [Там же, с. 51].

Так постепенно точка зрения белых проникает в «мы»-сознание, и в результате коллективное «мы» еще более расширяется.

В целом изображённая в романе картина напоминает мозаику или калейдоскоп, где каждый фрагмент неповторим и одновременно контрастно дополняется другим. Структурирующее повествование принцип перечня позволяет автору представить японское «мы» в Америке как сложное, многомерное, многоликое целое, совокупность множества точек зрения, чему способствует профессиональная дифференциация героев (сельскохозяйственные рабочие, прислуга в доме, прачки, официанты, горничные, проститутки и т.д.), их психологическая разнородность, сложное переплетение в их судьбах счастья и несчастья, радостей и горестей, удач и крушения всех надежд.

Список источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 250 с.
3. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 113 с.
4. Корман Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма / отв. ред. Л. А. Финк и др. Куйбышев, 1981. С. 39-53.
5. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
7. Оцука Дж. Будда на чердаке / пер. с англ. Е. Большелаповой. М.: Азбука, 2013. 288 с.
8. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
9. Прасол А. Япония: лики времени [Электронный ресурс]. М.: Наталис, 2008. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=141750> (дата обращения: 12.11.2018).
10. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
11. Япония в сравнительных социокультурных исследованиях: в 2-х ч. / ред.-сост. и отв. ред. М. Н. Корнилов. М.: ИНИОН АН СССР, 1990. Ч. 2. 167 с.
12. Stanzel F. K. Theorie des Erzählens. 5. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. 339 S.

METHOD OF EXPRESSING NATIONAL “WE”-CONSCIOUSNESS IN THE NOVEL “THE BUDDHA IN THE ATTIC” BY J. OTSUKA

Khovanskaya Ekaterina Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Prachenko Oksana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga Region) Federal University
katja.khovanskaya@gmail.com; oksana.oksana@mail.ru

Maklakov Ivan Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Kazan Cooperative Institute
Iderer@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the narrative strategy as a way of expressing national consciousness in the novel by the Japanese-American writer J. Otsuka “The Buddha in the Attic”. The story is on behalf of “we” and expresses the horizons of the first Japanese migrants, who came to America in the 1910-1920s. The features of the composition-speech organization of the text, the correlation of points of view within collective “we”, the interaction of narrative chronotopes, the role of the principle of listing are revealed. It is proved that the first-person plural narrative, firstly, is conditioned by a number of the essential features of the mentality and psychology of the Japanese, secondly, it makes it possible to present fully the fate of the whole generation of the Japanese migrants.

Key words and phrases: J. Otsuka; narrative strategy; point of view; national consciousness; principle of listing; chronotope; Japanese mentality.